

нятное.

— Демократия в армии и театре невозможна?

— Причем здесь армия — там свои законы. А в театре невозможно. Природа такая. "Театр — добровольная диктатура". Мы должны играть в эту игру.

Бог не создает людей одинаковыми. Они отличаются друг от друга наличием или отсутствием таланта. И мы не можем ничего изменить. Демократия в принципе невозможна.

— И в государстве?

— Ну, это правила, к которым нужно стремиться. В реальности они недостижимы. Демократия — это божеский закон, а не государственственный. Он должен быть в крови, жить в сердце. Только тогда он будет работать.

А в театре демократия вообще глупость.

— В театре диктатором обязательно должен быть режиссер?

— Да.

— Не бывает так, чтобы актер подчинил себе и режиссера, и художника, и постановщика танцев?

— Наверное, бывает, но тогда неинтересно.

— Часто говорят, что режиссер Бутусов не умеет работать с актрисами.

— Это говорят актрисы, с которыми я не работал.

— Что нового ты узнал об актере за время работы в "Сатириконе"?

— Оказывается, актеры могут приходить в театр к 10 часам утра — работать как сумасшедшие, доверять режиссеру и не держать фигу в кармане — ну это так, шутка.

А если серьезно, для меня это была самая интересная работа за последние два года. Нового человека всегда интересно разгадывать. А когда вы долго знакомы, наслаиваются личные взаимоотношения, и они очень мешают.

— Тогда почему ты всегда работаешь с Шишкиным и Реутовым? (постоянные соавторы Юрия Бутусова — художник и балетмейстер. — О.К.)

— Не хочу с другими. Мы создаем свое королевство, и мне бы хотелось сохранить его отдельность.

— У тебя не было ощущения, что ты приспосабливаешься к правилам игры, установленным в "Сатириконе"?

— Нет. А какие здесь установлены правила?

— Зрелищность как обязательное требование, пространство бывшего кинотеатра, особый зритель.

колоссальном чувстве любви или ее отсутствии, одиночества, невозможности быть счастливым и найти общий язык с миром.

— Все твои спектакли о любви?

— В каком смысле?

— В широком.

— Тогда да.

— Калигула — тиран?

— Ну да.

— Если "Калигула" о любви...

— "Калигула" не о любви, а о романтизме. Я ставил спектакль не про любовь, а про юношескую глупость. Про то, как она прекрасна.

— Из-за этой глупости спектакль получился о любви. О нашей любви к Калигуле.

— Пьеса Камю только повод.

Я хотел ответить на вопрос: почему мы любим людей, совершающих жестокие поступки? Я думаю, любить Калигулу нас заставляет его энергия разрушения, преодоления. Для меня эта энергия — художественная. Почему мир театра очень жесток? Создавая, ты вынужден делать жестокие вещи. В какой-то момент демократия заканчивается, и я вынужден делать то, на что человек не имеет права: давать оценку. Получается, не божеское это дело — театр. И актеров, как ты знаешь, хоронили за оградой. Но какая-то ерунда есть во всем этом. Столько людей ходят в театр, любят его. Уж не говоря про тех, кто в нем работает.

А еще говорят, талант — искра божья. Темное это дело, непо-

Беседа с Юрием Бутусовым состоялась сразу после премьеры спектакля.

— "Макбетт" — это спектакль о любви мужчины и женщины?

— О любви, как об основе жизни. О чувстве, без которого человек не может существовать. Как только любовь — несчастная или счастливая — исчезает, человек начинает умирать. Любовь заставляет человека совершать неожиданные, со стороны кажущиеся безумием поступки. На самом деле, в этих поступках есть своя логика. Но она кажется парадоксальной, потому что не поддается объяснению разуму. Я очень люблю всех этих абсурдистов-парадоксалистов, их пьесы невероятно эмоциональны и чувственны. Они все замешаны на

На трунных развалинах. Трупы — бумажные куклы человеческого роста, обмотанные веревками.

Леди Макбетт отрекается от своего имени. Она была и будет леди Дункан. Это ведьма приняла ее обличье на свадьбе с убийцей.

— Если бы мы играли этот спектакль в каком-нибудь подвале, то, естественно, он был бы другим. Пространство многое решает. Сначала мы сдали один макет — его приняли. Потом уехали в Питер, и я понял, что все не так. Мы месяц еще сидели в макетной и крутили шарики, кубики, палочки, веревочки. И все переделали. А что касается зрителя — я и есть тот зритель, для которого делаю спектакль.

— Чтобы тебе понравилось?

— Да. Чтобы мне нравилось. И переделываю я, потому что мне

тервю.

— Юра, у тебя не было сомнения идти — не идти в "Сатириконе": в театр, где недолго прослужил Хабенский — приехал и скоро уехал — сбежал от мелких ролей?

— Не понимаю, причем здесь Хабенский? Константин Аркадьевич Райкин пригласил меня, и я сразу же согласился.

— Как ты относишься к антрепризе?

— Сложно.

— Разве ты не остался доволен постановкой "Смерти Та-

Буфф-королева и ее поклонники клянутся убить тирана.

не нравится.

— Ты вообще не думал о специфике театра "Сатириконе", о том, что сюда приходит респектабельная, обеспеченная публика, о том, что у нее есть сложившиеся критерии?

— Мне кажется, это деление искусственное. Если спектакль хороший — эмоциональный, не глупый, сделанный со вкусом, — он привлечет любого зрителя.

— Независимо от уровня его интеллектуальной подготовки?

— Независимо. А если восприятие зависит от уровня интеллектуальной подготовки зрителя, то спектакль плохой.

— Спектакли Някрошуса не каждый выдержит, хотя бы из-за их продолжительности.

— Это говорит об отсутствии желания воспринимать, а не об уровне интеллекта. Его театр игровой, не простой в том смысле, что требует образного мышления и сердечной отдачи. А метафоры просты — нужно только включиться в игру.

— Тебе не нравится давать интервью?

— Я не очень это люблю.

— Меньше публикаций — больше пустых мест в зале.

— От интервью ничего не зависит. Если спектакль хороший, зритель будет ходить.

— Зрителю интересно узнать, что думает тот, кто все это придумал.

— Спектакль — это всегда высказывание. Он говорит о его создателе больше, чем любое ин-

релкина"?

— У меня противоречивые чувства по поводу "Тарелкина". С одной стороны, мне кажется, нам удалось выйти за рамки обычной антрепризной ситуации, хотя бы потому, что мы добились серьезного, неантрепризного решения пространства. Я пытался создать единую актерскую команду и не ставил задачи понравиться зрителю. А с другой, из-за организационно-финансовых проблем у спектакля нет полноценной жизни. И потом, такое количество зрителей, не умеющих выключать мобильные телефоны — шумно очень.

— В "Сатириконе" складывается традиция, согласно которой режиссеры — Стурва, Невежина — возвращаются на повторные постановки. Тебе хочется продолжить эту традицию?

— Да. Если театр захочет — я буду рад.

— А получить приглашение на постановку в другом московском театре?

— Наверное.

— По ритму тебе здесь...?

— По ритму хорошо. И как ни странно, по отсутствию цинизма. В Москве люди более открыты, наивнее и простодушнее.

Материал подготовила
Ольга КОРШАКОВА

Фото А.МХИТАРОВОЙ